

Социокультурные детерминанты формирования ценностных ориентаций в эпоху постсекулярности

Научный руководитель – Мамедов Агамали Куламович

Боровик Дмитрий Александрович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра социологии коммуникативных систем, Москва, Россия

E-mail: dmitriy.silent2077@yandex.ru

С разрушением традиционного уклада общественной жизни, наряду с индустриализацией экономики, возникновением национальных государств, немаловажным социальным процессом является секуляризация. Теория секуляризации описывает 3 процесса, которые происходят с религией в современных обществах: дифференциация религии от других сфер общества, упадок религиозных организаций и уход религии из сферы общественного в сферу частного. Секуляризация непосредственно связана с процессом возникновения светских, то есть нерелигиозных социокультурных детерминант формирования ценностных ориентаций. Сторонники теории секуляризации такие как Т.Парсонс, П.Бергер, Д.Мартин, Т.Вейцель, Р. Инглхарт и другие утверждают, что секуляризация является коррелирующим процессом с модернизацией обществ, что означает упадочный тренд для развития религиозности в большинстве стран мира[6].

Однако религиозные бумы, которые периодически случаются в разных странах мира ставят под сомнение столь однозначные прогнозы. В связи с этим возник ряд исследователей, которые выступили с критикой классической теории секуляризации, которые считают, что правильнее описывать нашу социальную реальность как постсекулярную[6]. Постсекулярность, как утверждает Х.Казанова, это не «возвращение к досекулярной ситуации, а переосмысление религиозной ситуации в обществе, которое уже прошло секуляризацию»[Казанова 2018: 149]. Постсекулярные теории вносят коррективы в классические представления о секуляризации. Поэтому и моральные ценности сложно назвать однозначно светскими или религиозными в нашем обществе.

Значительный вклад в формирование базиса постсекуляризма внесла работа канадского философа Чарльза Тейлора «Секулярный век». По его мнению, секулярность создала свои имманентные рамки, которые делают условия религиозной веры затруднительными. Имманентные рамки означают самоочевидные положения нашего мировоззрения, которые формируют наше представление о мире. Обоснование социального порядка больше не нуждается в теологической гипотезе, поэтому распространяются ценности инклюзивного гуманизма, для которых характерно универсальность, отношение к боли и эгалитаризм[5].

С другой стороны, Тейлор не делает однозначных выводов об упадке религиозности в современном обществе. Напротив, по его мнению, религия не уходит в прошлое, скорее религиозность принимает новые формы. Это связано с тем, что автор называет «веком подлинности», когда на смену массовому обществу, выступают ценности самовыражения и эмансипации. Теперь для религиозности первостепенную ценность носит не точность богословских формулировок, а искренность и страсть самой веры[5]. Поэтому упадок церквей не говорит о религиозности вообще. Напротив, в этих условиях характерной чертой является появление огромного числа новых религиозных движений.

В постсекулярном обществе встает проблема формирования ценностных ориентаций особо остро, при чем как для неверующих, так и религиозных индивидов. Еще классик теории секуляризации П.Бергер ставил проблему мировоззрения верующих индивидов.

Религиозность индивида в секулярном обществе ограничивается светским контекстом, который состоит из аутопоэтических систем, в которых формируются свои собственные ценности[2]. Л.Болтански и Л.Тевено отразили это в концепции градов, между которыми живут индивиды всю свою жизнь. Религии соответствует «Град вдохновения, наряду с которым в социальной жизни также существуют грады науки, политики, семьи и экономической целесообразности[3].

В постсекулярном обществе проблема стоит о корректности строгого разделения между этими системами на светские и религиозные. Поэтому становится проблема постсекулярных гибридов, в которых линия демаркации размыта. Исследователю религии приходится иметь дело не с дихотомией религиозного и светского, а с обнаружением религиозных и светских элементов внутри этих систем. Так, например, в своей работе «Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность» Т. Асад обнаруживает в институтах агентности, боли и права генеалогию религиозных ценностей[1]. Однако постсекулярность также означает и трансформацию самих религиозных организаций, вынужденных считаться с научным дискурсом и дискурсом прав человека.

Таким образом, в современной социологии религии классическая теория секуляризации не может полностью описать процессы, происходящие с религией в современном мире. Напротив, введение Ю.Хабермасом термина «постсекулярное» общество позволяет нам рассмотреть проблему значения религии в формировании ценностных ориентаций более полно, учитывая всю сложность в обществах, в которых уже прошла секуляризация[7]. Такие исследования должны опираться не только на эмпирические количественные показатели религиозности, но и на трансформацию религиозного опыта в современном мире, который вызывает к жизни "постсекулярные гибриды", социокультурные детерминанты сложившейся религиозной ситуации.

Источники и литература

- 1) Асад, Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / Талал Асад; пер с англ. Р. Сафронова, науч. Ред. В. Золотухин. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- 2) Бергер, П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. — М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- 3) Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов /пер. с фр. О.В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Колосов. — М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- 4) Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №4 (36). С. 143–174.
- 5) Тейлор Ч. - Секулярный век / Пер. с англ. А.Э.Бодров. — М.: ББИ, 2017.
- 6) Узланер, Д.А. Конец религии? История теории секуляризации / Д. А. Узланер; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики», 2019.
- 7) Хабермас Ю. Вера и знание / пер. с нем. М. Л. Хорькова // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. С. 115–131.